

А. И. Борозняк*

ПРОФЕССОР В. А. БУХАНОВ: ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

С ТРУДОМ ВЕРИТСЯ: прошло уже тринадцать лет с того печального дня 19 июня 1995 г., когда после тяжелой болезни скончался Валентин Александрович Буханов – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета. Он был ученым по призванию, его талант и его эрудиция получили заслуженное признание российских и зарубежных исследователей.

Валентин Буханов родился 5 января 1948 г. в трудовой семье в городе Ново-московске Днепропетровской области Украины, в 1966 г. окончил школу в городе Коростышеве Житомирской области и тогда же поступил на исторический факультет Уральского университета. Завершив курс обучения на истфаке, он увлеченно работал учителем истории в средней школе в городе Полевской Свердловской области, но в душе жила мечта о науке, и он поступил в аспирантуру Уральского государственного университета.

Годы его учебы в аспирантуре были временем расцвета Свердловской школы истории международных отношений, сложившейся под руководством профессора И. Н. Чемпалова и воспитавшей когорту кандидатов и докторов наук. В центре внимания школы находились почти исключительно проблемы дипломатии великих держав на Балканах и в Восточном Средиземноморье накануне и в годы Второй мировой войны. Однако молодой историк, сохранявший постоянную признательность своему научному руководителю (одна из его монографий вышла с посвящением: «Моему учителю Ивану Никаноровичу Чемпалову»), проявил незаурядную силу характера. Он избрал иную исследовательскую проблематику: идейная эволюция гитлеровских планов переустройства Европы на принципах нацистского «нового порядка». Валентин Александрович сделал принципиально важный и достаточно трудный выбор. Именно этот аспект истории германского фашизма практически был *terra incognita* не только в отечественной, но и в зарубежной, в том числе и в германской, научной литературе. Очевидно, выбор историка был в немалой степени обусловлен обстоятельствами его детства и юности, проведенных на Украине, где жила память о бедах, причиненных нацистским оккупационным режимом.

В 1975–1987 гг. на страницах научных сборников УрГУ и московского журнала «Советское славяноведение» был опубликован цикл статей Буханова¹. Ав-

* *Борозняк Александр Иванович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета.

¹ *Буханов В. А.* Борьба империалистов за стратегическое сырье в странах Юго-Восточной Европы в 1933–1935 гг. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1975; *Он же.* Роль государств Юго-Восточной Европы в военно-экономических приготовлениях фашистской Германии (март 1935 – ноябрь 1937 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск, 1976; *Он же.* Германская экономическая экспансия в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и захвата Чехословакии (ноябрь 1937 – март 1939 г.) // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1978; *Он же.* Экономическая экспансия фашистской Германии в Юго-Восточной Европе в период предвоенного поли-

тор дал принципиально новую интерпретацию гитлеровской экспансии в Европе: если его предшественники сводили «новый порядок» к территориальным захватам и ограблению захваченных стран, то Валентин Александрович анализировал концептуальные основы европейской политики национал-социализма, ее генезис в предвоенные годы. В 1980 г. на заседании совета исторического факультета Московского государственного университета была представлена и успешно защищена кандидатская диссертация Буханова «Германская экономическая экспансия в Юго-Восточной Европе (январь 1933 – август 1939 гг.)». Защита прошла с блеском, что приобрело особую значимость для Свердловской школы истории международных отношений.

Новым этапом в судьбе исследователя стала длительная научная командировка в Германскую Демократическую Республику, возможность работы с фондами Центрального государственного исторического архива в Потсдаме, изучение документов так называемого «ведомства Розенберга», в состав которого входили внешнеполитическое бюро НСДАП, аппарат уполномоченного фюрера по контролю над мировоззрением и воспитанием членов нацистской партии, а в годы Второй мировой войны и министерство по делам оккупированных восточных областей. Расширились и хронологические рамки исследований: если раньше в центре внимания ученого находилась предыстория гитлеровской экспансии, ее планирование и организационная подготовка, то теперь он занимался преимущественно историей ее практического осуществления, обстоятельствами и причинами ее первоначальных успехов и ее последовавшего краха.

На историческом факультете Уральского университета Валентин Александрович с успехом вел лекционные курсы и семинарские занятия по новой истории стран Западной Европы и Америки, по истории славянских государств. В 1986 г. ему было присвоено звание доцента, а в 1991 г. в Совете УрГУ он с блеском защитил докторскую диссертацию «Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах. 1933–1945 гг.: идейно-политические проблемы». В Екатеринбурге в 1991 и 1994 гг. были опубликованы две монографии, основанные на материалах его диссертаций².

Книги и статьи Буханова, будучи творческим продолжением работ А. С. Ерусалимского, Д. М. Проектора, Л. И. Гинцберга, М. И. Семиряги, Д. Е. Мельникова, А. А. Галкина и других выдающихся отечественных ученых, одновременно обозначили новый уровень познания сущности и внешних проявлений национал-социалистической диктатуры – запредельного зла XX века. «Европеизм германского фашизма, – констатировал уральский историк, – изучается постольку, поскольку рассматриваются те или иные конкретные вопросы. Нацеленную на захват и подчинение Европы континентальную стратегию национал-социализма можно исследовать и под иным углом зрения»³.

тического кризиса (март – август 1939 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982; *Он же*. Подготовка фашистской Германии к установлению «нового порядка» в экономике оккупированных и зависимых стран Европы (май – октябрь 1940 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1986; *Он же*. К вопросу о деятельности «Общества Юго-Восточной Европы» в начальный период Второй мировой войны // Советское славяноведение. 1987. № 2.

² Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933–1939. Свердловск, 1991; *Он же*. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах. 1939–1945. Идейно-политические проблемы. Екатеринбург, 1993.

³ Буханов В. А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идейно-политические проблемы. Екатеринбург, 1998. С. 9.

Каким же был «иной угол зрения»? На базе архивных источников, впервые введенных автором в научный оборот, был дан всесторонний анализ формирования внешнеэкономической и внешнеполитической программы нацизма, путей ее реализации в странах Европы во время Второй мировой войны, тщетных попыток ее модификации в условиях надвигающегося краха режима.

Вдумчивые специалисты в области европейской истории XX века хорошо поняли значимость и перспективность научных изысканий Буханова. Об этом писал в своей обстоятельной рецензии на его труды крупнейший специалист по проблематике нацистской Германии доктор исторических наук Лев Израилевич Гинцберг, подчеркнувший глубоко новаторский характер изысканий уральского ученого, особенно применительно к тому варианту «европейской идеи», который исповедовали приверженцы гитлеризма.

«Идейные аспекты нацистского европеизма, – отметил Гинцберг, – его концептуальные основы оставались неизученными, более всего же их генезис в предвоенные годы. То же касается эволюции европейской идеи по мере измерения обстановки в ходе войны, особенно после того, как победы сменились поражениями. Недостаточное внимание советских авторов к изучению политической истории германского фашизма и еще меньшее – к идейной объяснялось преимущественной ориентацией на исследование зависимости фашизма от монополий... В. А. Буханов восполняет этот пробел, что особенно важно в данном случае, ибо европейская политика играла в агрессивной программе гитлеровцев центральную роль и вызывала в нацистской верхушке острые разногласия»⁴. Но прочитав отзыв, опубликованный в одном из ведущих российских научных журналов, Валентин Александрович, увы, уже не смог. Третий номер «Новой и новейшей истории» за 1995 г. был разослан подписчикам через несколько дней после кончины ученого...

Труды Валентина Александровича обладают драгоценным качеством, присущим только подлинно новаторским научным исследованиям: они существенно выходят за рамки заявленной тематики. За частными, казалось бы, аспектами функционирования и краха нацистского оккупационного режима его пылкий взгляд историка различал важнейшие теоретические проблемы истории тоталитарной диктатуры. В их постановке и решении он находился на уровне мировой историографии германского фашизма, а порой и опережал этот уровень. Он был уверен: предпринятые им штудии истории нацистского режима «могут привести к интересным, а порой и к неожиданным результатам», а «изучение идеологических мотивировок нацистского “нового порядка” на европейском континенте способно навести на серьезные размышления о германском национал-социализме, да и о феномене фашизма вообще»⁵.

Центральное место в теории и практике нацистского «нового европейского порядка» занимали планирование военного захвата СССР и последующего покорения «русско-сибирского пространства». Розенберг формулировал эти концепции следующим образом: «Навсегда обезопасить Германию от политического давления с Востока... Органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым германскую империю на будущие века от восточной угрозы... Продвинуть далеко на восток сущность Европы». Геринг, в свою очередь, требовал «выжать из оккупированных восточных областей оптимум того, в чем в ин-

⁴ Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 227.

⁵ Буханов В. А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идеино-политические проблемы. С. 8, 145.

тересах немецкой экономики нуждаются рейх и находящиеся под его влиянием европейские страны»⁶.

Великая победа Советского Союза, стран антигитлеровской коалиции спасла народы нашей страны и Европы от кошмара гитлеровского «нового порядка», как, впрочем, и от мрачных перспектив биологического угасания в случае, если бы нацистские представления о «европейском пространстве» воплотились в жизнь.

Международное значение публикаций екатеринбургского историка станет очевидным, если мы окунемся в научную и политическую атмосферу современной ФРГ, где уже в продолжение десятка лет в центре общественного внимания находится проблематика гитлеровского оккупационного режима на территории СССР. В Германии конца XX и начала XXI века разворачивается новая фаза дебатов об отношении к нацистскому прошлому. «Возвращаются» неудобные, «проклятые» вопросы: о национальной ответственности за преступления нацистского режима против народов нашей страны, против народов Европы.

Буханов был убежден в неполноте, в односторонности столь привычной для советской историографии жесткой идеологизированной схемы, трактовавшей фашистскую диктатуру исключительно как результат деятельности «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Это известное определение, более полувека считавшееся непререкаемым и обязательным для историков-марксистов, описывало, отражало, а частично и объясняло некоторые (важные, но только некоторые!) черты нацистской диктатуры.

Стандартная для марксистской литературы формулировка не была и не могла быть исчерпывающей. Ее разработка относится к концу 1933 г. – до того, когда нацистская диктатура прошла решающую фазу унификации, до того, как режим выказал свои наиболее существенные античеловеческие черты. Размытыми оставались критерии, согласно которым проводилась граница между «наиболее» и «наименее» реакционными «элементами финансового капитала». За пределами «классической концепции фашизма» оставались чрезвычайно важные процессы и явления: формирование и функционирование массовой социальной базы германского фашизма, нацистская идеология, политический механизм гитлеровской диктатуры и роль в нем Гитлера, наконец, европейские концепции «третьего рейха».

Гипотеза, трактовавшая фашизм исключительно как концентрированное выражение интересов одной узкой социальной группы – промышленников и финансистов, претендовала на исключительное выражение научной и политической истины. Путь к многомерным научным исследованиям фашизма в русле марксистской теории был заведомо перекрыт. Задача исторической науки сводилась к доказательству (или к комментированию) того, что было уже заранее определено высшими партийными инстанциями. Валентин Александрович стал одним из первых российских ученых, который был глубоко убежден в необходимости серьезной и тщательной разработки альтернативных теоретических моделей национал-социалистической диктатуры.

В трактовке Буханова существование гитлеровской системы власти было неотъемлемо от острейшего противоборства различных фашистских кланов и клик (автор именовал их «империями»). На основе множества архивных документов он впервые рассмотрел ход и результаты противоборства «империи» Розенберга с «империями» Риббентропа, Геринга, Геббельса. «Классическое определение

⁶ Буханов В. А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идеино-политические проблемы. С. 210, 219.

фашизма» стояло на пути исследования этих процессов: оно исходило из понимания гитлеровской диктатуры как системы власти, исходившей из одного источника – монополистического капитала, прямой агентурой (чуть ли не марионетками) которого будто бы были Гитлер и иные нацистские фюреры.

Целью ученого стало «выявление реально существовавших расхождений внутри верхних эшелонов нацистской власти», исследование «процесса принятия решений, истоков, содержания и последствий разногласий в нацистском руководстве»⁷. На основе архивных разысканий Буханов пришел к существенным выводам: «Все стремились к вершинам власти, но именно поэтому обострялась конкурентная борьба, в результате которой каждому претенденту доставалось место по силе... Дифференцированные интересы партийно-правительственной бюрократии, генералитета, финансово-промышленных группировок, научных кругов, экстраполируясь наверх, порождали сложную гамму интересов политических, в том числе внешнеполитических... В отношениях между “империями” Розенберга, Риббентропа, Геббельса, Гимmlера и некоторых других нацистских фюреров по-прежнему действовали тенденции как к отталкиванию, так и к притяжению. Интегрирующим фактором в системе оставался Гитлер»⁸.

Обсуждение проблемы противоречий и конфликтов во властных структурах «третьего рейха» началось в ФРГ в конце 70-х годов. Возникла (и, по существу, продолжается по сей день) дискуссия по проблеме «монократия или поликратия?», сыгравшая немалую роль в приращении научных знаний о национал-социализме. Однако споры немецких ученых о возможностях исследования проблематики гитлеровской Германии в рамках названных категорий нередко носили достаточно отвлеченный характер, в то время как аргументы российского историка основаны на анализе громадных пластов эмпирического материала.

В книгах Буханова, в его докладах на международных конференциях, проведенных при его энергичном участии в Екатеринбурге в 1992 и в 1993 гг.⁹, в его публицистических выступлениях выдвигалось настоятельное, глубоко обоснованное требование новых подходов к проблематике характера и степени действительности национал-социалистической идеологии. Это тем более важно потому, что долгое время советская наука попросту отрицала само существование такой идеологии или же явно недооценивало степень ее воздействия на широкие массы населения. Нельзя не согласиться с выводом исследователя: «Мы все еще плохо знакомы с идеологической системой национал-социализма»¹⁰.

Историк был уверен в том, что «внедрение в сознание немцев тоталитарного мышления» активно происходило еще до 1933 г., что «национал-социалистскому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений, скажем, консерватизма, либерализма, даже социализма»¹¹.

Именно широчайшее распространение нацистской идеологии решающим образом повлияло на сохранение (а порой – и существенное расширение) ста-

⁷ Буханов В. А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идеино-политические проблемы. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 57, 145, 266–267.

⁹ Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Тезисы межвузовской научной конференции 10–12 июня 1992 г. Екатеринбург, 1992; Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. Тезисы научного семинара 28–29 января 1993 г. Екатеринбург, 1993.

¹⁰ Буханов В. А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идеино-политические проблемы. С. 10.

¹¹ Памяти Валентина Александровича Буханова. Екатеринбург, 1996. С. 17, 18.

бильной массовой базы тоталитарной диктатуры. Режим не только подавлял разум и волю масс, но и не без успеха соблазнял эти массы. Публикации Буханова позволяют понять, как формировался психологический климат, позволявший диктатуре без особых затруднений манипулировать сознанием и поступками большей части населения страны, каким был механизм воздействия диктатуры на простых людей, которые либо участвовали в злодеяниях, либо молча потакали палачам. Ведь это были не нацистские фанатики типа Гейдриха или Эйхмана, но – сотни тысяч, миллионы законопослушных, ничем не примечательных немцев, которые стали охранниками в лагерях, полицейскими, солдатами вермахта... Что заставляло их усердствовать в выполнении преступных приказов?

Очевидно, следует внимательно прислушаться к глубоко продуманному выводу Владимира Александровича: «Когда мы говорим о тоталитарных режимах, мы акцентируем внимание на насилии, которое осуществляет государство, тоталитарный режим по отношению к обществу, но забываем, что в такие времена существует иллюзия единения государства и большинства людей, и это даже не иллюзия: люди искренне верят в цели, провозглашенные государством»¹².

Сопрягая освоение опыта Германии с анализом судеб нашей страны, он отдавал себе отчет в том, что длительность посттоталитарной фазы российской истории, периода формирования начал демократии и гражданского общества будет измеряться не годами, а более масштабными хронологическими единицами. Он приходил к горькому, но достаточно реалистическому выводу: «По существу, нам только кажется, что мы вышли из полосы тоталитаризма». Историк был уверен: «Необходимо возрождать демократическое сознание. Когда демократическое сознание будет развиваться, тогда не будет диктатуры, авторитарных режимов в нашей стране»¹³.

Когда мы размышляем о главном смысле трудов Валентина Александровича, об их значении для сегодняшнего дня, необходимо помнить о знаменательных словах, сказанных им за несколько месяцев до смерти и фактически являющихся его посланием новым поколениям российских и зарубежных историков: «Мы о фашизме знаем гораздо меньше, чем не знаем»¹⁴.

Последние годы были самыми плодотворными в творческой биографии ученого. Он покинул нас именно тогда, когда его мысль выходила на новый виток теоретико-философского осмысления германской и европейской истории. У него появились ученики-единомышленники, работы которых были обращены к различным сторонам жизни нацистского общества в сферах культуры, науки, образования. В ходе проведенных в Екатеринбурге международных конференций он установил прямые контакты с ведущими представителями исторической науки Федеративной Республики Германии. В работах Буханова, писал его задушевный друг Валерий Иванович Михайленко, «ощущается огромная научная потенция, которая так и осталась нераскрытой до конца»¹⁵.

На публикациях профессора Буханова лежит неизгладимая печать его неповторимой личности: его эрудиции, его внутренней свободы, его таланта и интеллектуального мужества, высокого гуманизма, несуетливости в выводах. Вновь обращусь к словам профессора Михайленко: «По своей натуре он был совестливым, душевно чувствительным и тонким человеком. Нравственным началам он придавал первостепенное значение в отношениях с друзьями, в семье, в оценке

¹² Памяти Валентина Александровича Буханова. С. 22.

¹³ Там же. С. 41, 34.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 45.

исторических событий... В нем не было ни капли лжи... Валя был гордым, с высоким чувством собственного достоинства. Он очень боялся затронуть внутренний мир другого человека... Он очень болезненно переживал, когда кто-либо самым бесцеремонным образом лез в его душу, пытался подавить его собственное "Я"¹⁶. Его многолетний коллега Игорь Арменакович Бадалян вспоминает: «Достоинство души сказывалось и на его речевой манере: она была начисто лишена резких, раздражительных интонаций... Он великолепно чувствовал собеседника и всегда принимал его всерьез – в той же степени, как и самого себя... С ним можно было делить любой жребий и делиться всем наболевшим»¹⁷.

Валентин Александрович был щепетильно правдив. На защите его докторской диссертации был, как это полагается, оглашен официальный внешний отзыв, исходивший от кафедры новой и новейшей истории известнейшего в стране университета. Но сотрудник кафедры, готовивший столь важный документ, видимо, не читал ни диссертации, ни автореферата. Общая оценка работы, как и критические замечания, были малоубедительны. На официальный отзыв полагается обстоятельно и почтительно отвечать – таков ритуал. Но диссертант был предельно краток: он сухо поблагодарил поименно автора рецензии и поставившего свою подпись заведующего кафедрой, добавив: «Но с этим отзывом я совершенно не согласен». И всё. Я тут же подумал (председатель совета, по-моему, тоже): «Валентин наверняка заработал пару-тройку черных шаров». Но вскрытие урны с бюллетенями показало: степень доктора присуждена единогласно!

Валентин Александрович умел дорожить ценностями дружбы и семьи. Находясь рядом с ним, люди становились лучше. Его искренне любили студенты, в работе с которыми он был уважителен и требователен. Был он трудолюбивым, непритязательным, зачастую не умевшим добиваться вполне заслуженных материальных благ. Ютился с двумя малыми детьми в крохотной комнатке, десять лет тянул лямку ассистента, пять из них ожидая – из-за очередной реформы ВАКа – защиты готовой уже кандидатской диссертации. Он не часто выступал на факультетских советах и на заседаниях кафедры, но коллеги прислушивались к его веским словам, к его негромкому голосу. В нем чувствовалась сдержанная сила. Он мужественно, до самого конца, боролся с болезнью...

Конечно же, не случайно, что его неизменно влекло к себе творчество Булата Окуджавы, в песнях которого – столь близкие Валентину стремление к свободе мысли и к истине, бескорыстность, обостренное чувство справедливости и собственного достоинства, твердость в отстаивании выношенных убеждений.

Его недостает всем – семье, друзьям, университету, науке, обществу. Я благодарен судьбе, позволившей мне узнать его, стать его другом, многому у него научиться.

Профессор Буханов был скромным человеком, а написал книги, опередившие время и до сих пор не имеющие аналогов в современной международной научной литературе, книги, в которых, говоря словами Гегеля, «мысль резюмирует богатое содержание»¹⁸. Он высоко поднял планку исторических исследований, наш долг состоит в том, чтобы не снижать эту планку.

¹⁶ Памяти Валентина Александровича Буханова. С. 5, 43, 44.

¹⁷ Там же. С. 45–46.

¹⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 61.